

Александр Тебеньков
На круги своя

Повесть и рассказы

Александр Тебеньков

На круги своя

«Издательские решения»

Тебеньков А. Ф.

На круги своя / А. Ф. Тебеньков — «Издательские решения»,

Маленький человек в огромном мире... Строго говоря, им нет дела друг до друга, они существуют как бы параллельно, не пересекаясь: отдельно — человек, отдельно — мир. Именно таковы герои рассказов и повести, составивших этот сборник.

Содержание

На круги своя	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

На круги своя
Повесть и рассказы
Александр Федорович Тебеньков

© Александр Федорович Тебеньков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На круги своя

Повесть

С самого начала командировка складывалась неудачно.

Как обычно на стыке зимы и весны погода стояла отвратительная. Москва не принимала, и Алексей почти сутки провел в аэропорту. Уехать, переждать дома не было никакой возможности – рейс не переносили, а без конца откладывали: на час, на два, снова на час, потом до трех ночи... Вылетели только под утро.

Дальше, от Москвы, Алексей добирался, как всегда, электричкой. Не выспавшийся, с головной болью, он все же успел к концу рабочего дня. И вдруг выяснилось, что необходимая документация еще не готова, а значит, акты подписывать нельзя, гостиница не забронирована, и вообще – его ждали, оказывается, только через неделю.

Алексею было уже все равно. Он пытался вяло ругаться, со слабым удовлетворением чувствуя на это неоспоримое право – в конце концов, он не самочинно прилетел, а по вызову! И называл при этом номер соответствующей телетайпограммы... В свою очередь главный инженер, вежливо улыбаясь и поминутно разводя руками, извинялся, признавал, что недовольство его вполне справедливо и обосновано, говорил, что виновный в этой накладке будет, разумеется, наказан, а попутно давал понять, что он, главный инженер, ничуть не обижается на его, Алексея, резкие слова...

Оба прекрасно знали, что в любой большой и сложной работе подобные издержки почти неизбежны, и ничего не остается, как принимать случившееся, как оно есть. Каждый видел, что его собеседник тоже это понимает, но положение обязывало, и вот один устало возмущался удивительнейшей безответственностью, а другой так же устало ссылаясь на разные объективные причины. Алексей и главный инженер знали друг друга не первый год, однако служебный ритуал соблюдался ими неукоснительно.

Гостиница, разумеется, нашлась. Без крыши его не оставили, устроили в резервном номере – одноместном, шикарном: со спальней, кабинетом и, на удивление, не очень дорогим.

Назавтра Алексей позвонил к себе в КБ. Начальство особенно не удивилось ситуации, командировку продлило и приказало ждать и, по возможности, подгонять. Не мотаться же взад-вперед, за тысячи километров!.. Тем более, что местные товарищи клятвенно заверяли – все будет оформлено за неделю, никак не больше.

Два дня Алексей, памятуя приказ подгонять, аккуратно являлся к началу рабочего дня. Помочь, конечно, он никому и ничем не мог, скорее мешал. Недаром все три завлаба, от которых зависел конечный результат и к которым он поочередно заходил, чуть не зеленели от одного его вида. На третье утро его в вестибюле перехватил главный инженер. Они снова поулыбались друг другу, справились о здоровье и прочем, и главный без всяких экивоков сказал, что ждет Алексея здесь, в этих стенах, не раньше вторника будущей недели. «Алексей Миронович, прошу – не отвлекай, ради Бога, людей от работы, не нервируй. Все сделаем ко вторнику – мое слово!»

...По утрам, позавтракав в гостиничном буфете, Алексей садился в электричку. Через час с небольшим он уже был в Москве и отправлялся до позднего вечера бродить по улицам – просто так, без всякой цели, радуясь нечаянному отгулу. Ведь, по правде говоря, в последнее время он не видел ни суббот, ни воскресений: запускали в серию новое изделие.

Как-то к вечеру он вышел на Комсомольскую площадь, и тут у него мелькнула совершенно шальная, на первый взгляд, мысль. А что?.. Время есть, денег должно хватить: очень кстати перед командировкой прилась квартальная премия и тринадцатая зарплата. Доку-

менты с собой, а в гостиницу и главному, чтобы не беспокоились, можно позвонить. А когда еще подвернется такой случай!

И Алексей решительно направился к Казанскому вокзалу.

Утром следующего дня с тревожным и трепетным чувством ожидания чего-то радостного Алексей вышел на привокзальную площадь города своего детства. Отсюда он уехал в институт – и больше не вернулся. Каникулы не в счет. А потом родители вышли на пенсию и обменяли квартиру, перебравшись в тепло, поближе к морю. Уже после института, в свой первый трудовой отпуск он все же заглянул сюда, но не пробыл и недели. Все друзья и знакомые тоже разъехались – кто был на учебе, кто в армии, кто-то перебрался в другие края в поисках лучшей жизни... С двумя одноклассниками Алексей еще какое-то время переписывался и знал, что потом, правда, многие вернулись...

Еще в поезде Алексей порадовался, что прихватил в командировку старую записную книжку, от корки до корки заполненную адресами. Он сел в такси и назвал сразу оба адреса тех давних друзей.

Первый дом оказался неожиданно близко, в нескольких минутах езды, второй – в новом, незнакомом Алексею микрорайоне на окраине. Из машины он не выходил: в это время все наверняка были на работе. Эта поездка получалась у него вроде рекогносцировки...

Он попросил водителя притормозить у старого универмага.

Раньше здесь был центр города, теперь же он, видимо, переместился дальше по проспекту, в сторону многоэтажных построек, широких улиц и новых скверов с чахлыми деревьями-прутиками.

Алексей вышел из машины и огляделся. Двух- и трехэтажные дома показались ему незнакомыми. Быть может, из-за непривычной расцветки фасадов?.. И на вид они казались ужасно старыми. А между тем строились буквально у него на глазах.

«Впрочем, – с некоторым удивлением подумал Алексей, – почему бы им не быть старыми? Сколько они уже стоят – лет тридцать? Тридцать пять?»

Он медленно пошел в сторону центрального телеграфа. Хорошо – не лето. Деревья хотя и поднялись выше крыш, но голыми ветвями не заслоняют домов. На прохожих Алексей не обращал внимания, они явно мешали его попыткам воспринять город таким, каким тот был много-много лет назад.

Алексей проходил по улицам, и с каждым пройденным метром город все больше и откровенней раскрывался перед ним. Все явственней сквозь наносную, временную, изменчивую городскую косметику – вывески, рекламу, киоски-аквариумы, навесы на остановках – проступал истинный облик города. Забытый, но теперь при первом же взгляде вспоминаемый.

Город постепенно признавал его за своего, и тихо, ненавязчиво, подбрасывал новые и новые воспоминания. Алексей улыбался про себя, с позиций взрослого, опытного человека оценивая давние наивные радости, жизненно важные, как тогда казалось, проблемы, снова переживая крупные и мелкие огорчения и неудачи.

Воспоминания наплывали все шире и шире, они шли густым потоком, беспорядочно цепляясь одно за другое, но – странное дело! – они совсем не будоражили его. Наоборот, становилось спокойно и радостно на душе, легко и умиротворенно. Былые восторги и неприятности, драматические коллизии и высокие юношеские мечтания ныне перемешивались с повседневными тогдашними нейтральными событиями и сейчас были одинаково дороги своей прошедшестью.

Он обошел вокруг дом, в котором когда-то жил, посидел на лавочке у подъезда. Постоял у входа во Дворец культуры, погулял по центральным аллеям заснеженного парка.

Он зашел в свою школу и немного огорчился, обнаружив там профтехучилище. Само здание, типовое, двухэтажное, вообще-то, его не особенно интересовало. Он понимал, что

после десятка ремонтов оно не могло ничего сохранить от прошлых времен. Однако ж и двор изменился до неузнаваемости. На месте бывшей спортплощадки стояли ярко-красные какие-то машины и механизмы, похоже, дорожные. Там, где раньше были аккуратные делянки пришкольного участка, оказалась новая спортплощадка, оборудованная не в пример старой. А укромный уголок двора, некогда словно специально приспособленный для решения спорных вопросов между мальчишками всех классов, заняло одноэтажное, белого кирпича здание, видимо, мастерская.

Алексей мельком оглядел двор и поспешил выйти за ворота.

Настроение испортилось... Он вспомнил. Он упорно старался не вспоминать, когда стоял в очереди за билетом на Казанском вокзале, когда ехал в поезде, когда ходил по городу...

Он повернул направо и, ускорив шаг, прошел улицей два квартала, пытаясь ни о чем не думать, только повторял про себя в такт шагам: «Так-и-так, так-и-так...»

Снег на нечищенных тротуарах был плотно умят. Под солнечными лучами он сверху слегка подтаял, стал скользким. Приходилось внимательно следить, чтобы не поскользнуться. Вот так же, глядя только под ноги, Алексей вошел в сквер. Здесь он остановился и поднял глаза.

«Вот эта улица, вот этот дом...»

Алексей заставил себя улыбнуться, растягивая губы. И – пожалел, что приехал сюда, в этот город. И пожалел вполне искренне – какой смысл притворяться перед самим собой!..

Он прошел чуть дальше, за круглую клумбу, сел на скамейку.

Вот ее улица, вот ее дом... Бывшая улица, бывший дом.

Мартовское полуденное солнце грело неожиданно сильно. Деревянные брусья скамейки оказались приятно теплыми. Тропинка посреди сквера в некоторых местах была протоптана до самого асфальта, и снег в этих местах по краям таял. Асфальт, темнея водяной пленкой, парил заметным белесым дымком. Такой же парок поднимался и над крутыми крышами. Снег там удерживался лишь по низу, давая начало блестящим сосулькам, а сверху, у конька, черепица была сухая и уже почему-то пыльная...

«Зря это все», – вдруг тоскливо подумал Алексей.

Воспоминания хранились где-то далеко-далеко в тайниках мозга. Редко, даже очень редко, только тогда, когда почему-либо становилось совсем уж серо и неудобно, Алексей вызывал их из этого управляемого небытия. Воспоминания всплывали радужными и прекрасными. Они порой представлялись Алексею чем-то наподобие новогодних елочных шаров – такие же хрупкие и невесомо-нежные, такие же яркие, красочные, завораживающие...

В глубине души проступали слезы радости и умиления, Алексей стыдился их, изо всех сил старался не допустить к глазам, и радовался им. Грубое и слишком осязаемое настоящее бледнело, отступая, уходило на второй, третий, десятый план... Он словно брал в руки, осторожно и бережно, по одному, свои пугливые, хрупкие шары-воспоминания, мысленно оглядывал со всех сторон, задерживаясь подолгу на одних, возвращаясь к другим, уже отложенным было в сторону, а то и снова заточенным в запасники памяти.

Вот и сейчас.

Мальчик упорно тренировался дома за своим столом в написании трех заветных слов, которые в любом возрасте бывает так трудно и так страшно выговорить. Он вытягивал буквы в высоту на весь лист бумаги и ужимал их по ширине до толщины спички. Чтобы прочесть, надо было смотреть не прямо, нормально на лист, а вскользь, с его нижнего края. Этот способ он нашел в разделе головоломок одного из популярных журналов.

Записку он вложил в этот самый журнал и на уроке передал его девочке с маленькими светлыми косичками, что сидела за партой впереди... И через три дня получил ответ, написанный тем же способом: «Я тоже».

С пылающими ушами и пересохшим горлом шел мальчик на первое в жизни свидание. Он шел, пугливо оглядываясь по сторонам, а все прохожие как будто смотрели только на него, и все они как будто знали, куда он идет, и посмеивались над ним. Он пришел раньше времени минут на пятнадцать, но она уже была там. Они сидели друг против друга в беседке, разделенные узким столиком, и, смущаясь, стараясь не встретиться взглядами, не знали, о чем говорить... Тема, конечно же, нашлась – конец учебного года, грядущие, неотвратимые экзамены...

Они ходили в кино, или, чаще всего, просто гуляли по городу. И как-то раз он храбро, рисуясь перед ней, закурил на улице, а в это время из-за дома появилась их учительница литературы.

Была весна.

В один из вечеров они вышли из кинотеатра; он взял ее за руку, и она не отняла свою. Они шли полутемной улицей, неестественно громко разговаривая, изо всех сил делали вид, будто ровным счетом ничего не случилось...

Была весна.

Был вечер в школе, вечер вчерашних восьмиклассников. Был школьный двор, а из актового зала на втором этаже через раскрытые окна красивый баритон пел про тишину, что идет ночным городом. Белело платье на фоне школьной стены, а его негромкий, срывающийся голос был напряжен, словно струна: «Можно мне поцеловать тебя, Мариша?»...

«Зря это все. Глупо, черт возьми. Ведь я уже искал ее один раз. Когда это было?.. Да, четыре года назад. Зимой. Но только в другом городе. В том, куда она уехала отсюда».

...В полутемном купе третий его обитатель устало похрапывал у себя на верхней полке, откнувшись в объемистый рюкзак. Его словно не было здесь вовсе, никто не мешал их негромкой беседе.

Давняя потребность высказаться, своеобразный словесный зуд одолевал Алексея. Он говорил и не думал, что, быть может, завтра наступит похмелье, быть может, завтра будет ужасно неловко за этот нечаянный душевный стриптиз, за выставленную на обозрение абсолютно чужому человеку наготу своей души... А девушка напротив была воплощением сочувствия. Она умела слушать, сопереживая, или же просто казалась такой...

А главное... Главное, она жила в том самом городе, куда он сейчас ехал.

Ну, а поделиться самым сокровенным со случайным встречным разве не то же самое, что крикнуть в прибрежную, вырытую в песке яму, что у царя Мидаса ослиные уши?.. С той лишь разницей, что тростник, который вырастет на месте ямы, никогда и никому из твоих знакомых не расскажет о твоей тайне. А чужим знакомым – пусть. Это уже неважно. Они же чужие знакомые, не твои.

Поезд без остановок гроыхал все дальше и дальше в серый бесцветный день. Девушка сидела в уголке у окна, поджав под себя ноги и закутавшись в шубку из черного меха. Алексей смотрел в ее блестящие глаза и рассказывал. Было странно легко говорить вслух то, что он никогда раньше не решался сказать даже себе. Все, до конца.

– ...Мы сидели за партами на своих местах, а она вышла вперед, к учительскому столу, начала говорить, что никогда не забудет нас, наш класс, нашу школу, а я поднял фотоаппарат и сфотографировал ее, – в ту пору у меня одного в классе был фотоаппарат, – и вдруг она заплакала. Как сейчас понимаю, заплакала почти по-взрослому. Она не закрывала лицо руками, она глядела в класс и плакала, а я, меняя выдержку и диафрагму, все фотографировал ее, фотографировал... плачущую, но такую бесконечно красивую...

А потом староста класса Рая Зорина подала ей большой букет белых хризантем.

Наша классная руководительница обняла ее за плечи, и так вдвоем они вышли из класса. А у нас начался очередной урок – как вчера, как позавчера, как на прошлой неделе.

На следующий день она уехала. Только я... понимаете, я ведь даже не пошел ее провожать. Весь класс пришел на вокзал, нас специально отпустили с двух последних уроков. Все были, кроме меня. Я не пошел.

Девушка напротив прерывисто вздохнула.

– Как же вы так? – негромко спросила она.

– Как? – Алексей пожал плечами. – Да вот так уж... Гордые были слишком. Оба – и я, и она. После той совершенно дикой и идиотской ссоры целый месяц демонстративно не замечали друг друга. Все ждали, кто же подойдет первым. Так, видимо... Ну и дождались.

– А потом?

– Потом?.. Потом десятки нежных, глупых писем – и ни одного отправленного. Адрес я узнал у ее подружки, небрежно так, мимоходом, вроде бы от нечего делать. Как вы понимаете, наши отношения, конечно, ни для кого секретом не были, так что эта подружка его даже на моей тетрадке написала. Тоже вроде бы как ненароком, мимоходом. По сей день его помню: Второй Касимовский переулок, дом двадцать, квартира шесть.

– Это же Касимовка! – почему-то вдруг обрадовалась девушка. – Так у нас район в городе называется. Я тоже там живу. Это совсем рядом, почти в центре.

Алексей пристально посмотрел на нее.

– Ну и что, что рядом? – спросил он.

– Я вас провожу. Вы же никогда у нас не бывали?

– А почему, собственно, вы думаете, что я еду в ваш город? У меня командировка в N., – Алексей назвал городок в Подмосковье.

– Вы серьезно? – девушка с недоумением посмотрела на него.

– Абсолютно. А что мне там делать? – с неожиданно прорвавшейся горечью спросил Алексей. – Это после стольких-то лет...

Они помолчали.

– Послушайте, – нерешительно начала девушка. – А вы уверены, что не будете после жалеть? Быть так близко, можно сказать, рядом...

– Не исключено... Да что там – не исключено! – наверняка...

– Вот-вот! Ну... хотя бы просто увидеть, поговорить.

– Извините, вам сколько лет? Восемнадцать?.. Двадцать?.. Да?

– Двадцать один. А что?

– Замужем?

– Нет.

– Вот видите. А нам вдвое больше. Я женат, она... В общем, думаю, сейчас вы вряд ли поймете, извините. Разве что потом, лет через десять... Если столько времени обходились друг без друга...

– Вот и выясните, раз и навсегда. Все всегда нужно прояснять до конца. Я, например, для себя это давно усвоила. А с командировкой вашей ничего не делается. Беда какая, задержитесь на день-два! Да ради такого... Я не знаю, конечно, но на вашем бы месте...

Алексей задумчиво слушал ее неровный голос, осторожные фразы с большими, раздумчивыми паузами, смотрел на нее и кивал рассеянно. Он думал, что его внутренние споры и сомнения и здесь совершенно посторонним человеком решаются, оказывается, тоже вполне однозначно. Нет, конечно, даже если сейчас девушка вдруг бы согласилась с его словами... Просто человеку нужно время свыкнуться с какой-либо мыслью, даже твердо принятое решение не всегда освобождает от сомнений в правильности этого решения.

– Да не надо, не уговаривайте меня! – произвольно вырвалось у Алексея. – Вон, видите, – он поднял глаза на портфель, стоящий на багажной полке над дверью. – Я с самого

утра сию наготове. У меня командировка с понедельника, так я специально выехал в четверг, чтобы эти два дня... Понимаете?

– Вы не волнуйтесь, – девушка ободряюще улыбнулась Алексею. – Вот увидите, все будет хорошо! Даже отлично! Через два часа мы приедем, поезд на этот раз не опаздывает, я знавала. Отметите у диспетчера билет, и я вас провожу.

...Ранние зимние сумерки заполнили город, кое-где в окнах уже горели огни.

Алексей и его провожатая подошли к остановке. Они молчали с той минуты, как оказались на перроне. Неожиданно быстро подкатил троллейбус. Внутри было холодно, почти как на улице, только без ветра. Девушка села у окна, Алексей рядом. Плечи ее зябко подрагивали.

– Вы замерзли, – сказал Алексей. – Не стоит, пожалуй, меня провожать, постараюсь сам найти. Вы уж поезжайте сразу домой.

– Ну что вы опять такое говорите!.. Вы спрашивали гостиницу. Вот, посмотрите – здесь, налево.

Алексей повернулся к окну. Сквозь круглую проталинку на замерзшем стекле удалось разглядеть на противоположной стороне улицы лишь ярко освещенный, крылечком, вход в гостиницу и тусклые пятна окон в ряд первого этажа. Над крылечком зелеными светящимися буквами проступало еле различимое: «Гостиница «Первомайская».

– Следующая наша. Театральная площадь.

– Спасибо, – сказал он, снова повернувшись к ней.

Она молча кивнула в ответ.

Алексей нес свой портфель и ее маленький чемоданчик. Девушка с дорожной сумкой через плечо шла ровно на полшага впереди. Как Алексей ни пытался, ни названий улиц, ни номеров домов разглядеть в темноте не мог и поэтому чувствовал себя неуверенно. Всегда в незнакомом городе он искал дорогу самостоятельно, отмечая в памяти ориентиры на обратный путь. Теперь же его вели, и он окончательно запутался в бесчисленных поворотах узеньких улочек.

Девушка внезапно остановилась.

– Вам ведь двадцатый дом?.. Вот он. Идите, я подожду.

– Что вы, что вы, – растерялся Алексей. – Зачем же, я и сам... Я вас провожу, а потом вернусь...

– Давайте-ка все сюда! – Девушка быстро выхватила у него чемоданчик и портфель. – Идите же скорей, ну! А то я совсем здесь замерзну.

Алексей нерешительно затоптался на месте.

– Вы, может быть... куда-нибудь от ветра, в затишье. В подъезд, что ли...

– Да идите же, ради Бога! Что вы, в самом деле!

И Алексей направился к дому.

...Девушка поджидала его в темноте узкого тамбура того же подъезда, и Алексей вздрогнул от ее голоса.

– Ну что? Вы ее видели? – жадно спросила она.

– Нет. – Он помолчал. – Они жили здесь, но давно переехали. Теперь тут совсем другие люди.

– А они что-нибудь о ней знают?

– Откуда им знать? Чужие люди... Посоветовали обратиться в милицию, в адресный стол. В домоуправление. В общем, что и следовало ожидать.

Девушка нашла в темноте его руку и легонько пожалала.

– Не расстраивайтесь так. Завтра наведете справки. Вы ее обязательно разыщете, обязательно, вот увидите! Хотите, я вам завтра тоже помогу... и потом тоже.

– Ну что вы! Спасибо, я сам. Я же знаю, что такое студенческие каникулы. Они такие маленькие! У вас здесь родные, друзья... А вы хотите тратить свое время на меня. Зачем же, спасибо. Я как-нибудь сам.

Переулками они вернулись назад, на площадь, и прошли несколько кварталов в другую сторону – мимо театра, ярко подсвеченного прожекторами, по улице, где дома были сплошь увешаны неоновыми вывесками и рекламой. Там они свернули в арку и остановились в небольшом дворике-колодце.

– Вот здесь я живу. Вон мои окна, на третьем этаже... Знаете что? Такая сегодня жуткая холодина, идемте, я вас чаем напою. Горячим! Мама обязательно что-нибудь испекла к моему приезду.

– Спасибо. Уже поздно, не стоит, пожалуй. И потом, в чужом месте первое дело – побеспокоиться о крыше. Пока одно, другое... Словом, я в гостиницу.

Девушка серьезно, с пониманием кивнула.

– Ну что ж... Тогда давайте попрощаемся. Где я живу, вы теперь знаете. Так что если будет нужно – пожалуйста. Договорились?

Алексей поставил чемоданчик на скамейку у подъезда, снял перчатку и протянул ей руку.

– Спасибо большое вам за все. Я вам так благодарен, – он внезапно нагнулся и поцеловал ей руку в мягкой вязаной варежке.

Она резко отдернула руку.

– Зачем вы так? Не надо!

– Спасибо! За ваше участие, за... за все.

Девушка подхватила чемодан и взбежала на крыльцо. Открыла дверь, но на пороге обернулась.

– Я тут ни при чем. Вам спасибо! За то, что вы вот так, через столько лет...

Дверь за ней сухо стукнула.

Снег под ногами уже не поскрипывал, а взвизгивал на разные голоса. Туфли у Алексея из кожаных превратились, казалось, в жестяные – твердые, холодные и негнущиеся. Он не стал ждать троллейбус и две остановки до гостиницы не прошел, а почти пробежал.

Наутро он вошел в адресное бюро сразу же после открытия. Справку выдали довольно быстро, минут через пятнадцать. Филонова Марина Михайловна, тысяча девятьсот сорок четвертого года рождения в городе не проживала.

Алексей мельком глянул на розовый бланк, скомкав, сунул в карман пальто.

– Скажите, а где еще можно справиться?

– Где ж еще, только у нас.

– Та-ак... Что же делать...

– А вы правильно указали год рождения и отчество?

– Да, конечно.

– А фамилия?

– Да уж – слава Богу! – не удержался от кривой усмешки Алексей. И, спохватившись, добавил, словно извиняясь: – Это моя одноклассница. Когда-то учились вместе.

– Это ее девичья фамилия? – вдруг спросила Алексея девушка из глубины окошка.

– В каком смысле? – Он сначала не понял. – А-а!.. – и смутился. Вот дурак! Обо всем подумал, только не об этом!.. Он почувствовал, что начинает краснеть. – Да-да, конечно. Это ее девичья фамилия.

– Вот видите! Тут мы вам ничем не поможем – раз она сменила фамилию, выйдя замуж.

Девушка за окошечком с любопытством смотрела на Алексея, на его растерянное лицо.

– Ну да, что вас удивляет, все так делают, – она бросила быстрый взгляд на свою правую руку, и Алексей увидел новенькое, блестящее обручальное кольцо.

– Да-да, разумеется... Я как-то не подумал. Извините, до свидания.

По скрипучим половицам он пошел к выходу.

Адресное бюро размещалось на втором этаже старинного, еще бревенчатого дома. Лестница, по которой он спускался, была тоже деревянная, непривычно-огромная, с резными перилами, с большими деревянными же шарами-украшениями на поворотах.

Алексей придержал за собой тяжелую дверь и резко остановился на крыльце.

А родственники?.. Родители, или еще кто-нибудь. У них-то фамилия осталась прежней. Отца ее перевели сюда по службе, маловероятно, что родители поменяли еще раз место жительства...

Адресное бюро вряд ли поможет, неизвестно, собственно, о ком делать запрос, но есть и другой путь. Можно и по-другому!

Он бегом поднялся на второй этаж и снова заглянул в то же окошечко.

– Девушка, – Алексей улыбнулся заискивающе и слегка виновато. – Извините, пожалуйста, у вас, случайно, не найдется телефонного справочника?

– Пожалуйста. Только он давнишний.

– Ничего, ничего, это даже лучше.

Девушка на минуту скрылась из вида, а Алексей через окошечко принялся разглядывать лакированные стеллажи с ящичками от пола до потолка. В них-то и хранились сведения обо всех жителях города – кроме сведения об одном-единственном человеке, так необходимом ему. До остальных ему и дела не было, но информация о них уютно лежала себе в ящичках картотеки и бережно сохранялась для кого-нибудь другого...

Алексей раскрыл пухлую растрепанную книжку. Справочник действительно был давнишний, изданный десяток лет назад.

Та-ак... Фадеев... дальше... Филин... Филимонова... Филиппов... Филенкин... Вот! Филонов А. П., улица Первомайская, дом 17, телефон 33—40—05. Где записная книжка? Авторучка... Дальше. Филонов А. Р., улица Береговая, 118, телефон... Следующий Филонов жил по улице Сергея Есенина, дом 21...

Скоро в книжке у Алексея появилось с полдюжины таких адресов и телефонов. Адресное бюро в этом городе посещалось, видимо, не очень часто, и Алексею никто не мешал. Он давно снял шапку, расстегнул пальто. В комнате было жарко и душно.

Алексей тяжело поднялся со скамейки, постоял еще немного и, не торопясь, пошел дальше по скверу. Туда, к стадиону. Он чувствовал сейчас такую усталость и опустошенность, словно отработал подряд две-три смены у себя в КБ на каких-нибудь очень ответственных испытаниях. Он шел и старался не вспоминать больше ни о чем.

Ни о том, как из номера гостиницы обзванивал тогда всех Филоновых, Но нужных не нашел. Ни о том, как потом расспрашивал жильцов дома двадцать по Второму Касимовскому переулку, как наводил справки в домоуправлении и даже в местном отделении связи.

...Он неторопливо прошелся по новому центру города, потолкался в магазинах, перекусив наскоро в каком-то кафе средней руки. Но обедать поехал в старый ресторан «Волна» около Дворца культуры.

Последний раз они сидели здесь вшестером. Это было летом после окончания школы. Все друзья рвались в центр – Москву, Ленинград, – а он подался в другую сторону, в Свердловск, трезво оценивая свои знания и уровень школьного провинциального преподавания для столичных физтехов и мехматов.

В ресторане он просидел до вечера, пока не стал накапливаться веселящийся люд. Как только на маленькой эстрадке, что притулилась сбоку чахлой пыльной пальмы в непропорционально громадном деревянном ящике, появился оркестр, Алексей рассчитался и вышел из зала под звуки добросовестно перевираемого старого доброго рока.

Он направился поначалу по ближайшему адресу.

Окна нужной квартиры светились.

Алексей постоял, улыбаясь в темноту и глядя на них, растягивая удовольствие от предвкушения встречи – там, за этими окнами еще ничего не знали, там, у них, еще шла обычная, размеренная жизнь, в которую он сейчас вознамерился ворваться – и легко взбежал на третий этаж. И не удержался от маленького озорства: позвонил тем самым особым способом, который бытовал у них четверть века назад. Два коротких, один длинный, снова короткий... Интересно, кто откроет? Сам Юрка, или, может, Галина? С ней лично он не был знаком, но был уверен, что ее узнает. Когда-то давно, еще в разгар переписки, они с Юркой обменивались семейными фотографиями.

Но женщина, появившаяся на пороге, явно была не Галина. Улыбка сбежала с лица Алексея, ему стало неудобно за эту мальчишескую выходку со звонком.

– Извините, я, наверно, ошибся. Мне надо квартиру Юрия Замятина.

– Вам Юру? Он еще не пришел.

– Видите ли, я его школьный друг. Меня зовут Алексей Терехов.

Женщина отступила на шаг и всплеснула руками:

– Ой... Леша!

– Д-да... Но я, собственно...

– Не узнал? Ну-ка, вспоминай!.. Господи, да я же Оля, Ольга Седельникова!.. Не узнаешь?

Ольгу он вспомнил сразу. Но зато не сразу смог ее признать в этой полной женщине, одетой в домашний халат и шлепанцы на босу ногу.

Пока она что-то говорила, радостно охала и ахала, пока он раздевался в передней и проходил в комнату, что-то отвечал ей, он не мог избавиться от гнетущего чувства недоумения, смешанного с легкой горечью: неужели мы все так изменились?.. Пожалуй, чувство это походило скорее на обиду, только вот – неизвестно на кого.

Алексей ненароком остановился у серванта, провел рукой по волосам и задержался, вглядываясь в свое неясное отражение в стекле.

«Н-да-а... Пока один – не замечаешь...»

Ольга подошла и стала за спиной, проследила его взгляд.

– Что, Леша, постарели? – тихонько спросила она.

– А, ерунда! – бодряческим тоном сказал Алексей и махнул рукой. – Ерунда это все, Оленька. Повзрослели – только лишь и всего. Ну, естественно, изменились немножко, подумаешь!.. Не о том речь. Где Юрка-то, на работе?

– Лешенька, ты вот что... – Она словно не слышала его вопроса. – Ты вот что, ты посиди пока здесь, а я сейчас.

Она подтолкнула его к креслу и скрылась в соседней комнате. Алексей понимающе усмехнулся и сел, осматриваясь.

Что ж, квартира как квартира, не хуже, но и не лучше многих других. Средняя. Обстановка не блеск, но и не вековой давности. Болгарская стенка, цветной телевизор, стереофонический магнитофон. Ковры, хрусталь, моющиеся обои. Даже вон и книги имеются – полторы-две сотни. Все нормально, все как у людей...

Ольга появилась минут через десять. Она переоделась, накрутилась, причесалась. Вместе с ней в комнату вошел нежный запах духов – не иначе как французских, решил Алексей. В духах он не разбирался, но любил их у женщин. А этот запах был уж очень приятный.

– Ну, как ты тут? А то я тебя бросила, хозяйка называется!

– Нет-нет, ничего!

– Юра должен с минуты на минуту.

– На работе?

– Нет, он Машеньку должен отвести к бабушке. Завтра ведь суббота, мы хотели с ним съездить на ярмарку, тут недалеко, в одно село. Обувь на весну посмотреть, то да сё, и вообще... Сейчас появится. Садик-то под боком, а вот бабушка наша живет далековато.

– А вы... давно?

– Давно, – она поняла его сразу. – Машеньке уже шесть почти. Как она родилась, так мы и расписались. А до этого два года жили так, не расписанные. А ты разве не знал?

– Нет. Я лет десять-двенадцать как потерял со всеми нашими связь.

– С Галиной они разошлись.

– Да, я понимаю.

– Ребенка она забрала.

– Да, я помню – сын, кажется? Игорек, да?

– Нет, Олег. Алик.

Первоначальная неловкость почему-то все нарастала, они оба чувствовали это, но никак не могли от нее отделаться. И продолжали перебрасываться отдельными, малозначащими словами и фразами, пытались отвечать на вымученные вопросы друг друга...

Паузы между словами, между ответами и вопросами становились все больше и больше, и Алексей с тоской подумал, что вот сейчас, очень скоро, они будут по-прежнему сидеть напротив, стараясь не встретиться глазами, шаря взглядами по углам комнаты и мучительно выдавливая из себя: «М-да-а...», «Вот, значит, как...»

Звук ключа в дверном замке прозвучал для каждого из них как избавление от гнета напряженности, готовый вот-вот перейти в отчуждение.

– Это Юра! – с облегчением сказала Ольга. Она заметно оживилась и, повернувшись к Алексею, быстро шепнула: – Давай разыграем!

Алексей отрицательно покачнул головой:

– Не надо. Что-то не хочется, – тоже шепотом сказал он. – Ты не говори ничего, пусть сам, хорошо?

– Оля, ты где? Кто это у нас? – послышался из передней знакомый голос. Знакомый, но так давно и прочно забытый. – Славка приехал, что ли?

В дверях появился Юрий. Секунду он стоял, с напряжением вглядываясь в Алексея, потом его лицо стало удивленным, губы сложились в трубочку, словно он собирался присвистнуть, а брови поднялись куда-то вверх и глаза по-детски округлились.

– Ай-да-да! – воскликнул он. – Вот это да! Лешка, черт, какими судьбами?!

– Да вот так уж! – широко улыбаясь, сказал Алексей и встал. – Мимоходом-мимоходом, паровозом-самолетом. Ну, здорово, что ли!

Они обнялись крепко, по-дружески, с похлопыванием друг друга по спине и плечам, с громкими, полусвязными восклицаниями «Как жизнь-то, а?», «Да ничего, а ты как?», «Да тоже, вроде бы, ничего!», «Но как ты надумал, чертяка?», «Да я, собственно, в командировке...», «Здесь, у нас? Здорово!», «Нет, в Москве. Взял – и рванул к вам!»

Не отпуская Алексея, Юрий оглянулся.

– Оля, ты где?

– Здесь! – донесся ее голос из кухни.

– Что ты там возишься? Давай, тащи сюда все, что есть!.. А ты, Лёха, садись-ка в кресло, вот сюда, сейчас мы быстренько что-нибудь сообразим. У меня дома, брат, как у хорошего грузина – никуда не выходя, могу в любой момент хоть десяток гостей принять!.. Ну, ты ж молодец! Это ж надо так!

Он улыбался и сиял, расточая вокруг такую неподдельную, искреннюю радость, что у Алексея потеплело на душе и сердце.

Он сидел в мягком кресле, куда его усадили силой и не разрешали подняться, чтобы хоть в чем-то помочь, смотрел на суетящихся хозяев, своих одноклассников, прочно забыв, как он

недавно вглядывался в свое отражение, и улыбался им в ответ, смеялся вместе с ними над какими-то пустяками, ставшими вдруг почему-то очень забавными и смешными... Напряжение, владевшее им весь сегодняшний день, напрочь ушло.

Сели за стол, выпили за встречу, за здоровье каждого, потом снова за встречу, потом за то, чтобы не в последний раз... и говорили, говорили, перебивая друг друга: о том, что было, о том, что есть, что будет. Но больше, почему-то, о том, что есть, или что будет. А вот прошлого, того, что было когда-то, касались изредка, неглубоко и мимоходом.

В десятом часу Юрий торжественно поднялся из-за стола.

– Ну вот, – заявил он громогласно, – теперь можно сесть и на телефончик. Теперь само время! Оповестим кое-кого...

– Почему самое время? – не понял Алексей.

– А потому, братец ты мой кролик, что сейчас уже все сидят по домам, но уже достаточно поздно, чтобы куда-то идти. Сегодня мы проводим вечер только втроем, а уж завтра с утра отдадим тебя на растерзание. Завтра как раз суббота, восхитительно, великолепно!.. Завтра они все прибегут, вот увидишь. Мы-то тебя, прохиндей ты эдакий, частенько вспоминаем, не в пример некоторым штатским. Правда, Оля?.. Ну-ка, пошли звонить!

Они обзвонили человек двадцать. Вырывая друг у друга трубку, Ольга и Юрий попеременно кричали, что завтра, в субботу, в двенадцать часов назначается общий сбор, что здесь Алексей Терехов – да-да, тот самый Лёха, именно он, да вот он и сам сейчас с тобой поговорит! – и чтобы предупредили всех, кого смогут, что сбор у Замятиных, а кто раньше двенадцати, пусть, конечно, приходит раньше, к десяти, к одиннадцати, но не спозаранку, и уговор: всё, как всегда, нести с собой, на всю ораву не напасешься...

Засиделись далеко за полночь, а утром Алексей с радостным изумлением убеждался в Юркиной правоте. Длинной вереницей шли и шли одноклассники, давние знакомые, друзья, приятели. Шли поодиночке, шли с мужьями или женами и было видно, что они здесь нередкие гости, да и между собой встречаются не раз в год по обещанию.

И Алексей остро позавидовал не исчезнувшей с годами общительности своего друга. Ольга, насколько он мог помнить, тоже никогда не отличалась замкнутостью, и теперь из них получилась такая пара, что просто загляденье.

То и дело в передней гремел звонок, в комнате появлялся раскрасневшийся от утреннего морозца очередной с неизменным возгласом:

– Ну, Лёха, здорово! (Женщины говорили: «Здравствуй, Алеша!») Узнаешь, нет?

Алексей узнавал – и не узнавал.

Лица, улыбки, вопросы, возгласы, шутки, пожатия рук, объятия, поцелуи, новые знакомства – все слилось воедино, закрутилось пестрым сверкающим хороводом. Веселая сумятица невольно ассоциировалась с каким-нибудь праздником: то ли Седьмое, то ли Новый год. Но Седьмое ноября – праздник торжественный и официальный даже в домашней обстановке, подумалось Алексею. Скорее, похоже на Новый год. Такая же суматоха, так же все идет кругом... И он поймал себя на мысли, что ищет взглядом по комнате наряженную елочку в разноцветных огоньках гирлянд.

Большинство заскакивало «на минутку», «на полчаса» – повидаться, поприветствовать; кое-кто из них обещал вернуться ближе к вечеру и тогда уже надолго. Но многие прямо с утра были настроены по-боевому.

Из спальни притащили еще два кресла, из детской – тахту, с балкона принесли стулья. Но за столом никто не сидел, его раздвинули и поставили у стены. Каждый, кто оставался, после первых минут приветствий и расспросов выкладывал на него из сумок припасы, открывал консервные банки, откупоривал бутылки, доставал для себя из серванта тарелки и рюмки. Сидели кто где – кто где хотел и с кем хотел, где придется; с тарелками и рюмками в руках

растекались по комнате, подходили к столу за новой порцией и опять группировались, теперь уже в новых сочетаниях.

Стоял веселый шум и гам. Алексей, не веря собственным глазам, попытался найти, но к своему глубочайшему удивлению, не нашел в этой пестрой и многолюдной компании ни одного скучного или хмурого лица, или же, на худой конец, просто лица без улыбки. И, вспомнив, как он сам проводит праздники, свою чопорную, по псевдоакадемически строгую компанию, снова по-хорошему позавидовал.

– Весело живете, черти полосатые! – прокричал он Юрию, пробирававшемуся сквозь толчею куда-то в дальний угол комнаты.

Тот в ответ подмигнул на ходу.

— У меня так, брат, всегда! Приезжай почаще, еще не то устроим!

Алексей несколько раз хлопнул ему вслед в ладоши:

– Браво, Юра! Так держать!

– Алеша! – окликнула его, подходя, Ольга.

Она ничуть не походила на задерганную и озабоченную хозяйку многолюдного сборища. По всему чувствовалось, что настроение у нее великолепное. Она разругалась, волосы слегка растрепались. И она стала совсем похожа на ту, прежнюю Олю Седельникову.

Алексеем было хорошо и покойно. Он уютно расположился в ставшем уже привычным кресле, переводя взгляд с одного на другого, на третьего, четвертого – и видел перед собой своих давних хороших знакомых, друзей, однокашников. За давностью многое затушеввалось, ушло в сторону, осталось лишь хорошее и приятное. Детство в большинстве своем всегда радужно и красочно, как бы тяжело оно ни было, а у них все-таки, если разобраться, было неплохое детство... И юность тоже.

– Ну, как тебе у нас? – Ольга остановилась перед ним. – Нравится?

– Восхитительно! – ничуть не покривил душой Алексей. – Сижу вот и думаю – неужели это все в мою честь? Уж больно здорово отрепетировано.

– Ну-ну, не обольщайся! Сегодня, вообще-то, причина в тебе. А в принципе мы частенько так собираемся. В жизни так мало радости, Алеша, так зачем искусственно лишать себя этой малости – радости общения!

– И все время у вас?

– Нет, отчего же. У всех по очереди, кто имеет возможность принять. Летом на даче или просто на природе, зимой вот так. Нас ведь много, старых друзей, а городок невеликий. Все друг с другом повязаны.

– Не имей сто рублей...

– Тогда уж не сто, а двести. С учетом инфляции.

– Не понимаю, как вам это удается? В наше-то время, когда каждый сам по себе...

– А вот и неправда! – живо возразила Ольга. – Как раз в наше-то время сурово необходимо держаться вместе. И помогать друг другу – во всем... Вон, например Рита, у серванта стоит, смеется. – Ольга глазами указала на нее Алексею. – Муж пил просто, что называется, «по-черному», из дома выгонял, постоянно ходила с бланшем под глазом. Ребята наши как взялись за него, поговорили пару раз – как бабка отшептала. Шелковый стал. Или Витька Суворцев... Помнишь его?

– Ну а как же! Его мать у нас историю вела. Кстати, а почему его нет?

– Витьку нашему еще два года сидеть. У них в конторе главбух проворовался и потянул за собой еще шесть человек. А у Витьки мать-старуха, жена да трое детей. Ну, мы сообща и помогаем по мере сил.

– Н-да-а, – только и смог проговорить Алексей. – По поговорке: гуртом и батька бить сподручнее.

– Точно, правильно! – подхватила Ольга. Она снова перешла на легкий, шуточный настрой. – Вот только в нашей крепкой, хорошо споенной, как любит выражаться Юра, компании, наблюдаются отдельные отщепенцы – не будем показывать пальцем...

– Все, все, сдаюсь, Оленька! – Алексей поднял руки вверх. – Сдаюсь на милость победителя! И – клянусь! – больше я от вас никуда, ни на шаг... Да, а много нас таких, отщепенцев-космополитов?

– Не-ет, что ты! Все, кто куда-нибудь уезжал, буквально все вернулись назад. Разве что только ты, да Стасик Красюк, да Маша Алексеенко... Да еще Марина. Помнишь Марину? – она хитро прищурилась.

– Какую Марину? – Алексей сначала не понял. Потом резко выпрямился в кресле. – Марину? – Сердце прыгнуло и забухало сильно и громко, его удары отозвались в голове.

– Вот те на! Ребята, слушайте сюда, он хочет сказать, что не помнит Марину! – Ольга хохотала громко и заливисто, и оттого, видимо, никто, кроме Алексея, не разобрал ее слов. Да многим было и не до них.

– Оля, не надо! Что ты, в самом деле, зачем так...

Она перестала смеяться.

– Да ну тебя, ей Богу! Ну, насмешил! Чтобы ты, да ее не помнил, ну и дела-а, – она покрутила головой.

Глаза ее блеснули. Она посмотрела на Алексея и вдруг негромко охнула.

– Да ты что, Алеша? – Она понизила голос. – Да ты прямо в лицо переменялся.

Алексей досадливо махнул рукой, привстал и снова сел.

– погоди, – Ольга присела на подлокотник его кресла и попыталась заглянуть в лицо. – Да ты, никак...

– Ничего, ничего, Оля. Все в порядке. В норме.

– погоди! Неужели ты...

– Да помню я, помню, – сказал Алексей и поморщился. – Все я помню, никого не забыл. И... ее помню. – Он хотел сказать «Марину», но сказал «ее». Почему-то он не мог вот так, просто-запросто назвать это имя. Не мог – и все тут.

Нет, не таким он представлял себе этот разговор.

Вчера, конечно, было не до него. Да и сегодня с утра тоже. Алексей подсознательно все время носил в себе начало этого разговора, он только никак не мог выбрать, с кем же его начать. С Юрой? Не избежишь, пока он не поймет, грубоватых шуток и многозначительных подмигиваний... С Ольгой? Но с женщиной – о женщине, как-то не то получится... С кем-нибудь из пришедших? Но только с Юрой да, пожалуй, немного с Ольгой у него успел наладиться тот душевный контакт, который позволил бы коснуться такой щекотливой темы...

И Алексей все отодвигал разговор «на потом».

Он сидел к Ольге в пол-оборота, боковым зрением видя ее лицо. Брови ее сосредоточенно сдвинулись, на лбу появилась упрямая поперечная складка – она о чем-то думала. Потом она чему-то кивнула, словно в подтверждение своих мыслей, положила ему на рукав пиджака руку, легонько пожалала, шепнув: «Подожди», и вышла из комнаты.

Вернулась она с двумя рюмками, наполненными золотистой жидкостью, и протянула одну Алексею.

– Давай выпьем, Алеша. За тебя, чтобы у тебя все было хорошо... Это настоящий «Токай».

Вчерашний коньяк за ночь выветрился, а сегодня он старался пить только сухое, памятуя, что выпить придется с каждым, да не дай Бог, не один раз. Но к счастью – еще один весомый плюс здешней компании – пить его, как, впрочем, он заметил, и остальных, никто не заставлял. Как сказал утром Юра: «Чувствуй себя абсолютно раскованно, старик. У нас полная свобода личности: каждому по потребностям соизмеримо с его возможностями».

Они чокнулись и, глядя в глаза друг другу, медленно, смакуя, выпили.

– Люблю грешным делом хорошее вино, – сказала Ольга, смешно, по-детски облизывая губы. Потом снова присела на подлокотник. – Леша, – начала она неуверенно. – Ты извини, мне показалось...

– Да нет, ничего, что ты, – слабо улыбнулся он. – В чем извинить?

– Наверно, мне показалось... Ты, никак, все еще... ну, равнодушен, что ли?

Алексей ничего не ответил. Он упрямо сжал губы и глядел перед собой. Нет, не такой разговор и не в такой обстановке мыслился ему.

Ольга резко поднялась и, потянув за руку, заставила его встать.

– Вот что, пойдём-ка на кухню, – решительно сказала она. – Там никто не помешает.

... Она уже не была веселой и оживленной хозяйкой дома, его одноклассницей. Перед ним стояла, положив руки ему на плечи и заглядывая в лицо, странно знакомая женщина, близкая и понятная, как сестра. Она смотрела на него с восхищенным удивлением и страхом, и непонятной Алексею тоской, и у него неожиданно появилось впечатление, что она как будто первый раз увидела его. Она вглядывалась в его лицо, ресницы ее трепетали от волнения, губы полураскрылись и тоже подрагивали. Потом она вдруг всхлипнула, глаза ее стали быстро наполняться слезами.

– Ой, Алешенька, да что же будет, – сказала она шепотом. – Ой, господи, Боже мой, да что же будет-то... Ты ее до сих пор любишь, да?

Слезы выливались у нее из глаз двумя извилистыми дорожками. Она шептала:

– Господи, Леша, да как же так может быть... Да что же будет-то, Леша...

– Что ты, Оля, – Алексей сделал неловкую попытку высвободиться. – Перестань, слышишь. Что было – то было, а сейчас что толку... И быльем поросло. – Он осторожно снял ее руки с плеч. – Ну, не надо, Оленька. Ничего не будет, как все было, так и останется... Что ты, в самом деле. Сама расстроилась, меня тоже расстроила. Видишь, – он вытащил из кармана круглый металлический пенальчик и потряс им. – Валидолишко, брат Ольга. Стареем, стареем, сердчишко ни к черту.

Он открутил крышку, вытряхнул на ладонь неполный столбик завернутых в вощеную бумагу таблеток. Достал одну и привычным движением сунул под язык. Закручивая крышку, успокаивающе сказал:

– Ничего, Ольга батьковна, может, все оно к лучшему.

– Ты сядь, Алеша.

– Пойдем лучше туда, вон там как весело.

Ольга с досадой поморщилась.

Там, в комнатах, уже включили магнитофон. Гром ударных, резкие синкопы трубы отчаянными всплесками доносились на кухню. Ольга уже не плакала. Она успела ополоснуть лицо здесь же под краном, и у нее в волосах блестели в солнечном луче маленькие капельки-росинки. Она сидела за столом у газовой плиты и методично терла кухонным полотенцем край стола из веселого светло-зеленого пластика. Лицо ее было серьезным и сосредоточенным.

– Ты сядь, Алеша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.